

offers significant ways to rethink possible existential outcomes. [4, p. 32].

Thus, the chapter described the transition to a modern a constructed (man-made, artificially created) world, shows how constructive mathematical methodology modified for this world, which at the same time there are problems and what prospects can be expected from the transition to structural reasons in the circumstances.

In particular, it describes the new realities that faced by humanity today. The beginning of XXI century is characterized by the emergence of a single civilization with a new scale of human values. Modernity dictates posing new challenges: life-support and sustenance, put forward by the suitability of projects and their value for current conditions.

References:

1. <http://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-declaration>
2. <http://www.transhumanism-russia.ru>
3. Lincoln Y.S., Guba E.G. Naturalistic inquiry. – Beverly Hills, CA: Sage, 1985.
4. Ferrando F. Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms. Differences and Relations. – Volume 8, No 2, Fall 2013. – P. 26-32.

Липич Т.И.

д. филос. н., проф.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, зав. кафедрой философии и теологии,
г. Белгород, Российская Федерация*

Липич В.В.

д. филол. н., проф.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, профессор кафедры филологии,
г. Белгород, Российская Федерация*

РУССКО-НЕМЕЦКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АСПЕКТ

Национальные культуры Европы существуют в едином социокультурном пространстве европейской цивилизации. Иными словами, есть язык культуры, на котором они говорят и понимают друг друга. В каждой национальной культуре существует то, что, с одной стороны, отличает ее, а с другой – объединяет с другими национальными культурами, что предполагает возможный диалог. По нашему мнению, *диалог* – это универсальный процесс взаимодействия субъектов межкультурной коммуникации в рамках определенного дискурса, направленный как

на развитие этого процесса, так и на саморазвитие его участников.

Говоря о проблеме диалога культур и межкультурного диалога, Ю.М. Лотман указывает на то, что в широкой исторической перспективе взаимодействие культур всегда диалогично. Чертами всякого культурного диалога являются: во-первых, попеременная активность «передающего» и «принимающего», во-вторых, выработка общего языка общения. В этом процессе можно выделить, мы считаем, два этапа: на первом наблюдается односторонний поток текстов, которые откладываются в памяти «принимающего», причем память на этом этапе фиксирует также тексты на чужом, непонятном языке, на втором этапе происходит овладение чужим языком и свободное им пользование, а также усвоение правил порождения чужих текстов и воссоздание по этим правилам аналогичных им новых.

Нам близка мысль В.С. Библера, который считал, что «культура способна жить и развиваться (как культура) только на границе культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми «на себя», на выход за свои пределы, культурами» [1, с. 31-42]. Исследователь отмечал, что каждая культура есть некий «двуликий Янус», в том смысле, что ее лицо столь же напряженно обращено к иной культуре, к своему бытию в иных мирах, сколь и внутрь, вглубь себя, в стремлении изменить и дополнить свое бытие. Общение в культуре, то есть бытие в культуре – это всегда (в потенции, в замысле) общение между различными культурами, даже если мы живем в одной и той же культуре. А диалог лишь тогда диалог (в смысле культуры диалога и диалога культур), когда он может осуществляться как бесконечное развертывание и формирование все новых смыслов каждого – вступающего в диалог – феномена культуры, образа культуры, произведений культуры.

Проблематика диалогизма в русской литературной и философско-культурологической традиции рождалась в пространстве осмысления собственной этнокультурной идентичности. В этой ситуации зарождалось национальное самосознание. В начале XIX века в России активно продолжается дальнейшее формирование русского национального языка, русской литературы, русской философской мысли. На происходившие в России процессы большое влияние оказал диалог с французской, английской, но в большей степени, с немецкой культурой.

Русско-немецкие культурные связи имеют давнюю историю, начиная со средних веков. Они являются коммуникативными практиками, отражающими в обобщенном виде конкретные явления и факты как в их случайных, так и необходимых взаимосвязях и закономерностях, на основании которых формируются определенные контексты эпохи. В каждой исторической эпохе эти связи развиваются как общие закономерности, часто принимая специфические черты.

Культурные связи России и Германии можно проследить в самых разных областях и на разных уровнях культурной жизни: в политике, литературе, искусстве, философии, обыденной жизни. Не во всех сферах они были равнозначными. Долгое время считалось, что только Германия оказывает влияние на развитие культурной жизни в России, представляя её в виде «субъекта» влияния, а Россию – в виде «объекта». Отчасти это верно, но не во всех областях русской культуры. Если, например, говорить о литературе, то, думается, что к этому вопросу подходить нужно осторожнее.

Известно, что первое упоминание о России в немецкой литературе встречается уже в XI веке в эпической поэме «Аннолид». Примерно в это же время в «Слове о полку Игореве» было сказано, что «немцы и венеты поют славу князю Святославу». В XVII – XVIII вв. отношения между двумя культурами становятся значительно интенсивнее. П. Флеминг первым среди представителей западноевропейской литературы в своих стихах воспевал Россию. Лейбниц очень интересовался историей и культурой России, он предсказывал её культуре великое будущее. Ярким примером русско-немецких связей в области литературы и философии является жизнь и творчество великого мыслителя XVIII века М.В. Ломоносова, получившего блестящее образование в Германии. Его метафизическая поэзия, еще отдающая дань немецким образцам, во многом уже была очень русскою, достаточно вспомнить его оды, также издававшиеся неоднократно в Германии. Кроме них, в Германии неоднократно издавались произведения великих представителей русской культуры: А.Д. Кантемира, А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и др. А, к примеру, Гёте очень дорожил дружбой с В. Жуковским.

Эти факты взаимного интереса рассматривались и русскими писателями того времени – Н.М. Карамзиным, А. Бестужевым-Марлинским и др. Еще одним примером плодотворных диалогических отношений может служить публикация в 1790 году в Альтоне книги А.И. Вяземского на немецком языке (под псевдонимом «Передумин-Кольванов») «Размышления о человеческом духе и его отношении к миру», которая очень высоко была оценена немецкими философами. В 2004 году она была издана с комментариями современного российского кантоведа, исследователя русско-немецких философских связей В.В. Васильева, который нашел и доказал авторскую принадлежность этого произведения А.И. Вяземскому [2].

В первые десятилетия XIX века в Германии появляется много критических статей и сборников о русской литературе, авторами которых являлись представители «Молодой Германии»: К.А. Варнхаген фон Энзе, Г. Кониг и др. Так, в 1837 году в Штутгарте вышла книга очерков о русской литературе Г. Конига, в которой автор подробно останавливается на анализе духовных поисков русских писателей. Он, в частности, пишет: «Новое литературное поколение отличается от старого не только распространением немецкого вкуса и немецких литературных течений (романтики): оно стремится к более глубокому проникновению, к философскому обоснованию немецкого духа... Недостаточно было свести поэзию к одним только чувствам, как бы высоки и благородны они ни были, надо было примирить с чувством также и мысль и понять явления природы как символы духа» [3, р. 172-173].

В начале 1820-х годов немецкая культура обращает внимание на достижения русских романтиков и во многом их использует. Например, немецкие авторы Ф. Гельдерлин, использовавший в своем творчестве некоторые элементы русской истории, И. Г. Зейм, писавший о Екатерине II. Кроме этого, русская история, истолкованная в романтическом духе, встречается у Ф. Рюккерта, К.Т. Кернера. В 1830-е годы К.Л. Иммерман создает трилогию «Алексей», А. фон Шамиссо – трилогию «Изгнанники» и др. Все эти примеры свидетельствуют о существовавшем интенсивном диалоге между русской и немецкой культурами, которые взаимообогащались благодаря ему. И недооценивать роль такого диалога, мы считаем, нельзя.

Русская и немецкая литературно-эстетическая мысль развивали идеи, как русской, так и немецкой философско-эстетической культуры конца XVIII – начала XIX века. И мысль Е.А. Андреевича, что русская литература «взошла на дрожжах Запада», во многом верна, как справедлива и другая его мысль, что первым её шагом была идея отделения личности от государства и пробуждения самосознания.

Современный исследователь Т.И. Ходукина весьма красноречиво пишет, что русская литература XIX века «из робкой ученицы начала века превратилась в уважаемого учителя и наставника, пройдя путь ускоренного развития от прозы Карамзина до прозы Чехова, сравнявшись в романтизме с Западной Европой и обескуражив её своеобразием русского реализма» [4, с.4]. Гете совершенно определенно оценил творчество русских романтиков, познакомившись с переводом своего произведения «Елена», сделанном С. Шевыревым, отметив, что русский переводчик стремится не просто перевести, а *усвоить* себе переводимое произведение. Многие русские романтики, в том числе, А.С. Пушкин, П.Я. Чаадаев, В.Ф. Одоевский немало размышляли о том, что русская литература должна войти в круг европейских литератур. Их сплоченность по созданию национальной литературы имела определенные результаты. Вскоре произведения Пушкина, Гоголя, Одоевского, Жуковского, Тютчева и других русских романтиков становятся известны в Европе, и в свою очередь, стали оказывать влияние на развитие мировой литературы. В это время русская литература признается в Европе как самобытный культурный феномен. Это было результатом консолидированных усилий многих русских писателей [5].

Во второй половине XX века об особом интересе в Германии к русской культуре подробно писали В.М. Жирмунский, Н.Я. Дьяконова, В.Ю. Троицкий и др. [6].

Можно также отметить серьезный научный интерес к русской культуре и философии со стороны современных немецких философов, особенно это проявилось во второй половине XX века. В аспекте данной проблемы можно выделить исследования Эберхарда Мюллера [7], Вильгельма Герта, подробно изучающих творчество И.В. Киреевского [8], а также более поздних представителей русской философской мысли, например, К. Аксакова, портреты С. Франка, братьев Трубецких, а также Гельмута Дама [9], Людвиг Венцлера [10], анализирующих творчество Вл. Соловьева, работы Лудольфа Мюллера (Тюбинген) [11], который также обращается к анализу творчества В. Соловьева. Нельзя не отметить и усилия Н.С. Плотникова, исследующего вопросы русской философии и интеллектуальной истории. Интересны исследования А.А. Федорова, посвященные российской рецепции немецкой философской мистики, а также подробный анализ русской мистической традиции конца XVIII – начала XIX века.

Таким образом, рассмотрение русско-немецких связей, их подробный и всесторонний анализ, дают возможность исследователям, изучающим эту проблему, сделать вывод о том, что русские и немцы относятся к тем народам, которые можно назвать метафизическими народами [12]. Они, как никакие другие народы, были потрясены тем новым, что было привнесено веком Просвещения и Французской революцией. Россия обращает свои взоры на Германию, чьи философские идеи становятся созвучными русскому умунастроению: Фихте, Шеллинг, Гегель, Кант становятся весьма популярными в русском образованном обществе. Точкой пересечения

диалогических отношений между философско-литературной общественной жизнью России и Германии становится романтизм, как особый тип творческого мировосприятия. Кант, Фихте, Шеллинг и поэты-романтики впервые осознают активность человеческой чувственной и мыслительной деятельности, культурной практики, которая и выступает как глубинная идеальная форма культурного диалогизма.

Русские мыслители, своеобразно переработав идеи немецкого романтизма, сформулировали свое видение и понимание основных целей и задач, стоящих перед русской общественной мыслью, важнейшей из которых является осознание собственной идентичности.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: во-первых, русско-немецкие связи – это коммуникативные практики, отражающие в обобщенном виде конкретные явления и факты как в их случайных, так и необходимых взаимосвязях и закономерностях, на основании которых формируются определенные контексты эпохи; во-вторых, диалогические отношения, складывающиеся в коммуникативных практиках, и в которые вовлекаются высказывания и тексты, могут оказывать как непосредственное, так и опосредованное воздействие на развитие всего межкультурного диалогического процесса; в-третьих, прямые и косвенные литературно-философские диалогические отношения как внутри страны, так и между странами, способствовали созданию русского литературно-философского романтизма, который, в свою очередь, сыграл огромную роль в становлении отечественной культуры, национальной философии и литературы.

Литература:

1. Библер В.С. Культура. Диалог культур. Опыт определения // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31 – 42.
2. Кольванов (Передумин), А Наблюдения о человеческом духе и его отношении к миру: Философский опыт Андрея Передумина (Кольванова); [Пер., послесл.В.В. Васильева]. – Калининград, 2003. – 157 с.
3. König H / LiterarischeBilder aus Russland. – Stuttgart, 1837. – P. 172-173.
4. Ходукина Т.И. Золотой век русской классики. – М., 2004. – С. 4.
5. См.: Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. – Томск, 1985; Канунова Ф.З. В.А. Жуковский в современном мире: итоги и перспективы изучения наследия поэта в Томском государственном университете // Вестник Томского государственного университета, 1998. – С. 47-53; Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада. В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов. – М., 2007.
6. См.: Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. – СПб.: Аxioma, 1996; Троицкий В.Ю. О типологии, национальном своеобразии и мировом значении русского романтизма // Романтизм. Открытия и традиции. – Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1988; Дьяконова Н.Я. Из истории английской литературы. Статьи разных лет. – СПб.: Алетейя, 2001.
7. Müller E. Russischer Intellekt in europäischer Krise. Iwan Kireevskij (1806-1856). – Köln, 1966.
8. Goerdts W. Vergottlichung und Gesellschaft. Studien zur Philosophie von Ivan V. Kireevskij Wiesbaden, 1969.
9. Дам Г. «Владимир Соловьев и Макс Шелер» (Dahm H. Vladimir Solov'ev und Max Scheler. Ein Beitrag zur Geschichte der Phänomenologie in Versuchen vergleichender Interpretation. Fribourg «Sovietica» series. 1975. – № 34).
10. Wenzler L. Die Freiheit und das Böse nach Wladimir Solov'ev. – München, 1978.
11. Müller L. Russischer Geist und evangelisches Christentum. Kritik des Protestantismus in der

russischenreligiosen Philosophie und Dichtungim 19 und 20 Jahrhundert Witten, 1951; SolovjevW. Kurze Erzählungvom Antichrist. Übersetzt und erläutert von L. Muller. 5. Aufl. 1984 и др.

12. Розмозер Г. К вопросу о будущем России // Россия и Германия: опыт философского диалога. – М., 1993. – С. 25.

Харченко Ю.В.
кандидат філософських наук, доцент,
зав. кафедрою філософії та політології,
Кіровоградський державний
педагогічний університет
імені Володимира Винниченка, м. Кіровоград
E-mail: kharchenkojv@gmail.com

ФЕНОМЕН ПОЛІТИЧНОГО В ДИНАМІЦІ КУЛЬТУРИ

Історія по-різному впливала на динаміку політичних процесів. У політичному просторі між різними етнокультурними співтовариствами здійснювався обмін цінною інформацією й нерідко в ході такої взаємодії відбувалися зіткнення між представниками різних політичних систем. Отже, пошук «нового шляху» в політиці продовжується й сьогодні. Сама історія як наратив про минуле стала своєрідним джерелом продукування політичної інформації. Вона не завжди ґрунтувалася на достовірних фактах, адекватно описувала політичні події. Проте людина все одно черпає інформацію з минулого. Вона прагне сконструювати гідне теперішнє, а також ефективне і щасливе майбутнє. При цьому, кожне покоління «прочитує» історію (як «текст») по-новому. І основною причиною такої цікавості до історії є вічне бажання побудувати справедливе суспільство. Отже, саме «поліс» – (грецькою – polis) – місто-держава в регіонах античного Середземномор'я [18, с. 295] став тим відправним пунктом, який дозволив змоделювати всі можливі версії політичних практик, що розгорнулися в історичному просторі й зафіксувалися в історичному часі. Філософсько-історичне осмислення цього феномену дало змогу побачити ознаки протополітичного і виявити деякі його елементи в динаміці стародавньої політичної культури.

Сьогодні ще виразніше вказує на те, що, будучи явищем багатограним, політичне постійно піддається флуктуаціям. Тому час від часу постає питання: що саме його змінює й збагачує? Можна зі значною долею вірогідності стверджувати, що існує ціла низка чинників, які впливають на модифікацію політичного, спричиняють інфраструктурні зміни у політичному просторі, сприяють більш глибокій його оцінці як просторово-часового континууму. Отже, політичний онтос, якщо спробувати розглянути його вертикально, є вершиною багаторівневої конструкції. Ми пропонуємо сприймати його як «простір, що накладається, або «вписаний» у